

ВЕЧНЫЙ ЖИД

Во всех христианских странах существует легенда о Вечном Жиде. Италия, Франция, Англия, Германия, Испания — нет, пожалуй, ни одной страны, до которой не дошло бы это предание. И, разумеется, тема Вечного Жида с давних пор является одной из самых распространённых в искусстве. Достаточно назвать гравюры Гюстава Доре, романы Эжена Сю и доктора Кроули. Помнится мне, что и в знаменитом романе «Монах» Льюиса рядом с Люцифером и истекающей кровью монахиней действует Вечный Жид. А совсем недавно рассказ на эту тему написал Уильям Шарп, именующий себя Феоной Маклеод (названия его я, к сожалению, не запомнил).

Так кто же он такой, этот Вечный Жид? Обычно так называют еврея, который, навлекши на себя проклятие Иисуса Христа, обречён вечно скитаться по миру в ожидании Судного дня. В разных легендах он выступает под разными именами. То его называют Картафил, то Агасфер, то Бутадеус, то Исаак Лакедем. Да и о роде его занятий нет единого мне-

ния. Одни утверждают, что он был сторожем претории в Иерусалиме, другие считают его слугою Пилата. Некоторые называют его сапожником. Обстоятельства же, связанные с самим проклятием, во всех версиях описываются примерно одинаково. Когда ведомый на Голгофу Христос, желая перевести дух, остановился на миг у дверей дома этого человека, тот не только осыпал его жестокой бранью, но ещё и ударил. Проклятие же звучало следующим образом: «Ты гонишь Меня, и Я уйду, но зато ты дождёшься Моего возвращения». Позже этот человек, подобно Павлу, принял крещение от Анании и стал называться Иосифом. Но тяготеющее над ним проклятие может быть снято только в день Второго пришествия. К примеру, 22 июня 1721 года его видели на улицах Мюнхена, о чём упоминает в своих «Записных книжках» Хормайер.

Впрочем, это событие сравнительно недавнего времени, упоминания о Вечном Жиде можно обнаружить и в более древних книгах. Одной из самых ранних, очевидно, является летопись монастыря Святого Албана, составленная Матвеем Парижским. В этой летописи есть запись о посещении монастыря архиепископом Великой Армении, и приводятся слова некоего рыцаря, его переводчика, о том, что в Армении архиепископу якобы не раз приходилось сиживать за одним столом с Вечным Жидом. Аналогичное свидетельство обнаружено в стихотворном варианте летописи, написанном в 1242-м историком из Фландрии Филиппом Муском. Из этого можно сделать вывод, что до XIII века Вечный Жид не появлялся в Европе, а если и появлялся, то его появ-

ление осталось незамеченным. Зато уже в 1505 году он помог богемскому ткачу по имени Кокото найти клад, зарытый 60 лет назад его дедом. Есть и другие свидетельства. В 1547 году Пауль фон Айцен, настоятель монастыря в Шлезвиге, видел его молящимся в одном из гамбургских соборов. Упоминания о том, что его видели то на севере, то на юге Европы, продолжают появляться вплоть до начала XVIII века. Даже если ориентироваться только на самые достоверные, получится, что в 1575 году его видели в Мадриде, в 1599-м — в Вене, а в 1601-м сразу в трёх местах — Любеке, Ревеле и Кракове. Если верить Рудольфу Ботлеусу, то в 1604 году он появлялся ещё и в Париже. Потом через Наумбург и Брюссель, очевидно, добрался до Лейпцига, а в 1658 году передал секрет приготовления целебного снадобья (два листка шалфея и один листок щавеля смешать с пивом и выпить) некоему Самюэлю Уоллису, который страдал лёгочной болезнью. Затем, побывав, как вы уже знаете, в Мюнхене, он ещё раз посетил Англию, где встречался с профессорами Кембриджа и Оксфорда, после чего его видели в Дании и Швеции, затем его след теряется, и все попытки проследить его далее оказываются тщетными.

Смею надеяться, что всё вышесказанное позволит читателю хотя бы в общих чертах уяснить, кого называют Вечным Жидом и какова его история в древние времена. Но изложение всех этих фактов ни в коем случае не является моей целью. Мне хотелось бы рассказать вам о двух давно мучивших меня вопросах, которые возникали у меня всякий раз, когда я думал об этой легендарной личности,

и на которые я совсем недавно нашёл ответ в старинном манускрипте, совершенно случайно мною же самым и обнаруженном. Одновременно речь пойдёт и о самом манускрипте. Итак, начну с вопросов, которые так долго не давали мне покоя.

Первый из них — чисто фактологического порядка. Известно что Вечный Жид появлялся почти во всех странах христианского мира. А если так, то неужели же он не бывал в Японии? Я не хочу касаться здесь современной Японии, но ведь уже во второй половине XIV века в юго-западной части страны получило широкое распространение христианское учение. Если мы обратимся к «Восточной Библиотеке» д'Эрбло, то узнаем, что, когда в начале XVI века введомая Фадэйрой арабская конница захватила Елвен, Вечного Жида видели среди арабских воинов; говорят, что вместе с Фадэйрой он славил Аллаха: «Аллах Акбар» («Аллах велик»). Так что скорее всего к тому времени он успел побывать на Востоке. И трудно себе представить, чтобы он не навёдался в Японию, где даймё — аристократы эпохи феодализма, — повесив на шею золотые распятия, твердили «Отче наш», а их жёны, перебирая пальцами коралловые чётки, преклоняли колена перед Девой Марией. Короче говоря, неужели легенда о Вечном Жиде уже тогда не проникла в Японию, точно так же, как проникли столовое стекло и ребек? Вот первый из мучивших меня вопросов.

Второй вопрос совершенно иного свойства. Вечный Жид был осуждён вечно скитаться по миру за то, что повёл себя непочтительно по отношению к Иисусу Христу. Но ведь когда Христа распинали,

то над ним издевался не один этот еврей. Кто-то надел ему на голову терновый венец, кто-то набросил на плечи багряницу, кто-то прибил на верхнюю часть его креста табличку с надписью «I. N. R. I». А уж тех, кто бросал в него камнями, кто плевал в него, и во все сосчитать невозможно. Так почему же именно тот еврей навлёк на себя проклятие Христа? Или хотя бы какие толкования даются по этому поводу? Вот второй вопрос, который долго мучил меня.

В течение нескольких лет я тщетно рыскал по старинным манускриптам, как восточным, так и западным, не находя никакой зацепки. А надо сказать, что число литературных произведений, так или иначе затрагивающих тему Вечного Жида, чрезвычайно велико. Прочесть все совершенно невозможно, особенно если не выезжать из Японии. И я постепенно примирился с мыслью, что мне никогда не удастся найти ответы на мои вопросы. Но вот что произошло осенью прошлого года, когда я уже был близок к отчаянию. Решив, что это будет моей последней попыткой, я объехал провинции Хиго и Хидзен, побывал на островах Хирато и Амакуса, долго копался в бесчисленных старинных рукописях, и вдруг наткнулся на манускрипт эпохи Бунроку¹, в котором и нашёл наконец упоминание о Вечном Жиде. Что касается самого манускрипта, то мне не хотелось бы сейчас тратить время на описание его достоинств и недостатков. Достаточно будет сказать, что это весьма незатейливые записки, наспех сделанные кем-то со слов одного из тогдашних христиан.

¹ Эпоха Бунроку — 1592–1596 гг.

Согласно этим запискам, Вечный Жид неожиданно встретился Франциску Ксавье на корабле, следовавшем из Хирато на Кюсю. Франциску Ксавье в том путешествии «сопутствовал проповедник Симеон», и именно благодаря этому Симеону слух о том, что произошло на борту корабля, дошёл сначала до местных христиан, а потом, распространившись по всей стране, в конце концов, спустя несколько десятилетий, достиг, очевидно, и автора вышеупомянутых записок. Если верить его словам, история о том, как святой Франциск встретился с Вечным Жидом, была в то время очень популярна в среде японских христиан и довольно часто становилась темой проповедей. Я хочу познакомить читателей с примерным содержанием этих записок и, приведя несколько цитат из оригинала, разделить с ними радость, которую испытал, найдя наконец ответ на долго мучившие меня вопросы.

Прежде всего в записках говорится о том, что корабль, на борту которого произошла знаменитая встреча, был гружён «всевозможными плодами и разными местными диковинами». Из этого следует, что дело происходило скорее всего осенью.

Это подтверждается и последующим перечислением плодов — фиго и прочее. Других попутчиков, похоже, не было. Время действия — полдень. Ограничившись всего несколькими вводными фразами, автор сразу же переходит к сути, поэтому, если читателя интересуют подробности, ему остаётся лишь, призвав на помощь собственное воображение, представить морскую гладь, как рыба чешуя переливающаяся в лучах ослепительно сияющего солнца, горы

фиг и гранатов и троих «рыжеволосых», которые, сидя посреди всего этого великолепия, увлечённо беседуют, потому что изобразить всё это ярко и обстоятельно не по силам простому учёному, каковым являюсь я.

Вместе с тем, полагая, что читателю не захочется слишком утруждать себя, я подумал, что будет лучше, если я всё же приду на помощь его воображению и познакомлю хотя бы с описанием внешности Вечного Жида, обнаруженным мной в сочинении Пэка «История Станфорда». Вот что пишет Пэк: «На нём лиловая куртка с пуговицами до пояса. Штаны того же цвета, довольно новые. На ногах белоснежные чулки, то ли полотняные, то ли вязанные из шерсти, не разглядел. И борода, и волосы седые. В руке белый посох». Всё это Пэк записал со слов Самюэля Уоллиса, того человека, страдавшего лёгочной болезнью, о котором я уже рассказывал. Естественно предположить, что, когда Вечного Жида встретил Франциск Ксавье, он выглядел примерно так же.

Но как догадались, что это был именно Вечный Жид? В записках говорится, что, когда «святой отец стал творить молитву, этот малый тоже начал ревностно молиться», так что, очевидно, святой Франциск первый заговорил с ним. Заговорив же, сразу понял, что перед ним не обычный человек. И по тому, что он говорил, и по самой манере вести беседу незнакомец вовсе не был похож на какого-нибудь авантюриста или путешественника, которых в те времена судьба нередко забрасывала на Восток. К тому же он с такой «живостью необычайной, будто видел всё собственными глазами, описывал как

недавние, так и давно минувшие события, имевшие место в Индийской земле и в странах южных варваров», что «не токмо Симеон, но даже и сам святой отец, в изумление чрезвычайное пришедши, лишились дара речи». «Откуда ты, незнакомец?» — спросил святой отец, и тот отвечал: «Иудей, не имеющий постоянного пристанища в мире». Полагаю, что даже святой Франциск поначалу усомнился и не поверил этому человеку. Во всяком случае он потребовал: «Поклянись обителю блаженных Парайсо, что говоришь правду!» — на что незнакомец якобы ответил: «Клянусь!» «И тогда святой отец, не обинуясь более, вступил с ним в беседу, и долго весьма говорили они о том и о сём». Далее выясняется, что говорили они, во всяком случае в начале разговора, о делах, давно ушедших в прошлое, религиозных же вопросов не затрагивали вовсе.

Сначала речь шла о святой Урсуле, о том, как она, а вместе с ней 11 000 девственниц, приняли мученическую смерть, потом о чистилище святого Патрика, после чего, обсудив деяния святых апостолов, собеседники заговорили о том, как Господь Иисус Христос был распят на Голгофе. Причём, прежде чем перейти к этой теме, святой Франциск попросил у матроса несколько фиг, которыми был гружён корабль, и угостил ими Вечного Жида. Я упоминаю об этом, в общем-то совершенно незначительном, факте, только потому, что писал об этих фигах прежде. Вернёмся же к беседе.

Святой Франциск:

— Были ли вы в Иерусалиме, когда Господь принимал смертные муки?

Вечный Жид:

— Разумеется, я видел их собственными глазами. В те времена меня звали Иосиф, я был сапожником и жил в Иерусалиме. Как только правитель наш Пилат предал Господа на распятие, я, собрав домашних своих, постыдно насмеялся над Господом и страданиями Его.

В записках рассказывается о том, как Иисус Христос, охраняемый фарисеями и первосвященниками, шёл нетвёрдой походкой «сквозь беснующуюся толпу» следом за крестьянином, несущим на спине Его крест. Багряница покрывала Его плечи. Голова была увенчана терновым венцом. На руках и ногах, словно розы, алели раны и рубцы от ударов кнутом. И только глаза Его ничуть не изменились. В глубине этих глаз, «ясных, голубых, совершенно таких же, как в прежние дни», застыло какое-то странное выражение по ту сторону печали и радости. И глаза эти произвели необыкновенное впечатление даже на такого человека, как Иосиф, который не верил в учение «сына плотника из Назарета». Вот что сам он говорит по этому поводу: «Каждый раз, как взглядывал я в глаза Господу, сердце моё невольно сжималось. Не потому ли, что Его глаза напоминали мне глаза моего умершего брата?»

Тем временем Иисус Христос, весь покрытый пылью и потом, очевидно желая перевести дух, остановился у порога его дома, мимо которого как раз проходил. Рядом скорее всего толпились препоясанные кожаными поясами фарисеи с непомерно длинными ногтями, благоухающие нардовым маслом блудницы с волосами, напудренными голубой пуд-

рой. Возможно, слева и справа блестели в лучах жгучего солнца щиты римских легионеров. Впрочем, в записках сказано просто: «собралось множество людей». Иосиф же, заметив остановившегося у его дома Иисуса, «вознамерился показать собравшимся, сколь велика его преданность первосвященникам». Держа в одной руке собственного сына, другою он схватил за плечо «Сына человеческого» и грубо толкнул Его. «На кресте и отдохнёшь вдоволь, ждатель уж недолго» — так сказал он, издеваясь, потом, осыпав Иисуса бранью, поднял руку и ударил Его по лицу.

И тогда Иисус тихо поднял голову и строго посмотрел на Иосифа. Взгляд Его глаз, которые показались Иосифу такими похожими на глаза покойного брата, был испытующе суров. «Ты гонишь Меня, и Я уйду, но зато ты дождёшься Моего возвращения». Эти слова, более резкие, чем знойный ветер пустынь, мгновенно опалили душу Иосифа. Действительно ли Иисус произнёс их, этого не понял даже сам Иосиф. Однако «проклятие столь явственно прозвучало в его душе, что он содрогнулся». Поднятая рука сама собой опустилась, ненависть, туманившая голову и сердце, исчезла, и он, всё ещё держа на руках ребёнка, неожиданно для самого себя опустился на дорогу и попытался поцеловать искалеченную, с вырванными ногтями ногу. Но поздно — Иисус, подгоняемый легионерами, уже удалился. Иосиф растерянным взглядом проводил мелькавшую в толпе багряницу. И в тот же миг глубокое раскаяние пронзило его душу. Но рядом не было никого,

кто мог бы его понять. Даже его собственные жена и дети истолковали его порыв как очередную насмешку над Христом, как если бы он возложил Ему на голову терновый венец. И, конечно же, прохожие только смеялись.

Иосиф не помнил, когда жена забрала у него ребёнка, яростное иерусалимское солнце, от которого, казалось, плавилась камни, светило ему в спину, пыль, поднимавшаяся от дороги, ложилась на одежду, по щекам текли горячие слёзы, а он всё стоял и стоял на коленях, не в силах двинуться с места...

«Велик город Иерусалим, и многие насмехались над Господом, но единственно я уразумел, что сие было грехом. И именно как уразумевший и был предан проклятию. Небеса не карают того, кто творит грех, не ведая, что творит. Иными словами, я один несу на себе бремя греха за то, что Господа подвергли мучительной смерти на кресте. Но коль скоро именно наказание влечёт за собой искупление, спасён Господом буду тоже только я один. Ибо тому, кто, сотворив грех, уразумел, что именно он сотворил, Небеса ниспосылают одновременно и кару, и искупление». Вот так в конце записок Вечный Жид отвечает на мой второй вопрос. И вряд ли стоит тратить силы на то, чтобы проверить, правилен этот ответ или нет. В конце концов, получить ответ на вопрос — и то уже немало. А если кому-нибудь удастся обнаружить в старинных книгах на Востоке или на Западе ответ на мои вопросы, надеюсь, что вы не сочтёте за труд поставить меня в известность. Я же со своей стороны рассчитывал привести ещё

больше цитат из вышеупомянутых записок, но, к сожалению, у меня не хватило места. Поэтому ограничусь тем, что сошлюсь в заключение на Берингуда, который усматривает истоки легенды о Вечном Жиде в 28-м отрывке 16-й главы Евангелия от Матфея и в 1-м отрывке 9-й главы Евангелия от Марка.

ПОКАЗАНИЯ ОГАТЫ РЁСАЯ

Настоящим я, как было велено, со всем возможным почтением сообщаю о том, чему сам стал свидетелем в нашей деревне, где в последнее время приверженцы христианства творят бесчинства и смущают умы.

Седьмого дня третьего месяца сего года ко мне пришла деревенская женщина по имени Сино, вдова крестьянина Ёсаку, и попросила осмотреть её захворавшую дочь Сато, девяти лет.

Упомянутую мною Сино, третью дочь крестьянина Собэя, выдали за Ёсаку десять лет назад, однако супруг её вскоре после рождения дочери скончался от болезни. Сино не вышла замуж повторно и жила, перебиваясь скудными заработками от ткачества и подённой работы. Увы, после смерти мужа она, впад в заблуждение, обратилась в христианскую веру и стала часто навещать в соседней деревне так называемого «падре» по имени Родриге, из-за чего поползли слухи, будто она вступила с этим падре в предосудительную связь. Её родные, и прежде всего отец Собэй, как только ни уговаривали Сино одуматься, тщетно: она отмахивалась от советов и продолжала с утра до вечера вместе с дочерью мо-